ЦЕНТРПОЛИГРАФ

0812

HARLEQUIN®

Майя Блейк

ПРЕКРАСНАЯ НАТУРЩИЦА

Подари себе мечту

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Любовный роман – Harlequin

Майя Блейк

Прекрасная натурщица

«Центрполиграф»
2017

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Сое)

Блейк М.

Прекрасная натурщица / М. Блейк — «Центрполиграф», 2017 — (Любовный роман – Harlequin)

ISBN 978-5-227-08131-5

Проведя с Зуки Лангстон одну ночь, магнат Рамон Акоста бросает ее. Он отказывается встречаться с ней снова, не подозревая о том, что она беременна. Узнав, что Зуки избавилась от ребенка, он решает ей отомстить, шантажом заставляя ее родить ему наследника.

УДК 821.111(73)-31
ББК 84(7Сое)

ISBN 978-5-227-08131-5

© Блейк М., 2017
© Центрполиграф, 2017

Содержание

Глава 1 6
Глава 2 14
Глава 3 17
Глава 4 23
Конец ознакомительного фрагмента. 24

Майя Блейк
Прекрасная натурщица
Роман

Maya Blake
Pregnant at Acosta's Demand

* * *

Охраняется законодательством РФ о защите интеллектуальных прав. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя. Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке.

Все права на издание защищены, включая право воспроизведения полностью или частично в любой форме.

Это издание опубликовано с разрешения Harlequin Books S. A.

Товарные знаки Harlequin и Diamond принадлежат Harlequin Enterprises limited или его корпоративным аффилированным членам и могут быть использованы только на основании сублицензионного соглашения.

Эта книга является художественным произведением. Имена, характеры, места действия вымышлены или творчески переосмыслены. Все аналогии с действительными персонажами или событиями случайны.

Pregnant at Acosta's Demand © 2017 by Maya Blake
«Прекрасная натурщица» © «Центрполиграф», 2018
© Перевод и издание на русском языке, «Центрполиграф», 2018

Глава 1

– Не смотри туда. Только что вошло воплощение твоих страстных мечтаний и моих кошмаров…

Как и следовало ожидать, Зуки Лангстон, получив такое предупреждение, сразу повернула голову к входной двери в паб «Равенсвуд армс». Из угловой кабинки она наблюдала, как посетитель оглядывает зал, потом встречается с ней взглядом и прищуривается.

Как и следовало ожидать, ее бросило в жар, а потом в холод. Затем ей снова стало жарко, а еще при виде Рамона Акоста ей стало трудно соображать.

– Боже мой, я не знаю, чего я так разволновалась. – Она повернулась к Луису Акоста – своему лучшему другу. – Зачем ты сказал мне, что он здесь? – спросила она.

Луис схватил ее за руки и крепко сжал их. Его карие глаза озорно сверкнули.

– Я пытался избежать ужасного зрелища, наблюдая, как ты прыгаешь и дергаешься, словно мышь в углу, когда он подойдет к тебе сзади. В последний раз, когда вы с ним встретились, я решил, что ты проглотила язык.

Зуки покраснела.

– Почему я терплю тебя? Ты ужасный человек.

Луис рассмеялся и крепче сжал ее руки, когда она попыталась высвободиться.

– Ты терпишь меня, потому что мы с тобой родились в один день. И хотя ты упала мне на колени во время нашего знакомства в университете, я лучшее, что с тобой происходило в жизни. – Луис поигрывал бровями.

– Ты когда-нибудь забудешь об этом? Или о том, что ты спас меня от профессора Уинтона, который рвал и метал, потому что я не подготовила курсовую работу?

– Давай не будем забывать, как часто я прикрывал твою симпатичную задницу. И я по-прежнему считаю, что ты должна работать в фирме моей семьи.

– Мне нравится работать в «Чапмен интериорс», потому что я люблю проектировать интерьеры домов, а не пятизвездочных отелей.

Он небрежно пожал плечами:

– Шестизвездочных, но какая разница? Как бы то ни было, однажды ты передумаешь.

– Ты гадал на хрустальном шаре?

– Мне не нужен шар. И я без него знаю, что тебе будет намного проще общаться с Рамоном, если ты преодолеешь к нему страсть…

– У меня нет к нему страсти, Луис! – прошипела она, бросив свирепый взгляд через плечо.

Луис резко вздохнул:

– Конечно нет. Я решил поменять тебе прозвище: я буду звать тебя не мышкой, а страусом.

– Тогда я стану называть тебя не другом, а задницей.

Он пожал плечами:

– Меня звали и похуже.

Зуки наблюдала, как его взгляд двигается за ее плечо. Потом он решительно посмотрел ей в глаза.

– Какими бы сумасшедшими идеями ни была полна твоя голова, забудь о них, – быстро и тихо произнесла она.

Он уставился на нее, лениво улыбаясь, и крепче сжал пальцами ее пальцы.

– Не волнуйся, мышка. Луису лучше знать.

Зуки знала, что на этот раз проиграла битву.

Мало того что она не умела вовремя придумать достойный ответ, так еще была застенчива от рождения. Кроме того, она не могла здраво соображать из-за человека, недавно вошедшего в паб.

Она чувствовала, как он идет к ней через пятничную толпу посетителей. Она знала, что люди расступаются от одного взгляда его задумчивых глаз. Она уже слышала его неповторимый и мужественный запах. Раньше ей было достаточно просто глубоко вдохнуть запах его тела, и она теряла голову.

Сегодня ей исполнилось двадцать пять лет, она давно не подросток. Ей следовало стать искушеннее. Как Луис, например.

Рамон остановился рядом с ними. Высокий, мускулистый, с волевым подбородком и скульптурно-красивыми чертами лица. Ей пришлось поднять голову, чтобы взглянуть на него.

– С днем рождения, братец! – произнес он по-испански.

По ее спине пробежала дрожь. Она опустила голову, наслаждаясь его глубоким голосом с кубинским акцентом.

– Спасибо, хотя я уже подумал, что ты меня не поздравишь, ведь день близится к концу, – язвительно ответил Луис.

Рамон засунул ловкие руки в карманы.

– Только одиннадцать часов вечера, и я тебя поздравил. Как я обещал, – произнес он еще напряженнее.

Зуки заметила, как Рамон, прищурившись, посмотрел на ее руки, соединенные с руками Луиса, а потом взглянул на своего брата. Через секунду Луис слегка поморщился и отпустил ее, а потом пожал плечами:

– В таком случае располагайся. Я пойду и принесу шампанское, которое охлаждает бармен.

Луис плавно поднялся на ноги. Несмотря на небольшое напряжение между ними, братья кратко обнялись. Рамон что-то тихо сказал своему брату, но Зуки этого не услышала. Луис кивнул и что-то спокойно произнес в ответ.

Только теперь Зуки увидела их поразительное сходство. Единственными отличиями были их глаза, меньший рост Луиса и цвет волос: у Луиса они были темно-каштановые, а у его брата – черные.

Оставшись с Рамоном, Зуки молчала. Тянулись минуты. Она напряглась всем телом под его пристальным взглядом.

– С днем рождения, Зуки!

На этот раз слова поздравления от Рамона казались страстными, таинственными и опасными.

Возможно, у нее просто разыгралось воображение. Она вздрогнула, медленно подняла руку и заправила прядь волос за ухо, а потом пальцами вцепилась мертвой хваткой в бокал.

– Спасибо, – пробормотала она.

– Тебя не научили смотреть собеседнику в глаза? – протянул он. – Или твой напиток в бокале намного интереснее меня?

– Научили… Я имею в виду… Мой напиток ни при чем.

– Зуки! – резко позвал он.

Она не могла ему противостоять, даже если бы хотела. И теперь, услышав его приказ, она повернула голову и встретилась взглядом с его сияющими зелеными глазами.

За прошедшие три года она виделась с Рамоном Акоста несколько раз. Первый раз она встретилась с ним, когда Луис представил их друг другу на церемонии вручения университетских дипломов. После этого каждый раз, видясь с Рамоном на различных мероприятиях, она теряла дар речи. Потому что старший брат ее лучшего друга был поразительно привлекательным, и ее тянуло к нему как магнитом.

Это стало проблемой. Но прямо сейчас она не желала ее решать. В конце концов, сегодня ее день рождения.

Кроме того, Рамон Акоста для нее под запретом, потому что у него серьезные отношения со Светланой Росковой – потрясающе красивой русской моделью.

Но, посмотрев ему в глаза, Зуки не могла отвести взгляд. Не могла не думать о том, какой он притягательный. Начиная с кожи оливкового оттенка и мощной шеи, которую было видно из-за приоткрытого ворота его темно-синей рубашки, и заканчивая тонкими пальцами, которые находились в опасной близости от ее руки.

– Наконец-то, – тихо сказал он. В его голосе слышалось мрачное удовлетворение, и Зуки встревожилась. – Я бесконечно рад, что мне не придется до конца вечера разговаривать с твоим профилем.

– Неужели? – выпалила она и съежилась.

Уголок его полных губ приподнялся, хотя Зуки не заметила, чтобы Рамону было весело.

– Вопреки широко распространенному мнению, оказывается, что взгляд в упор не гарантирует понимания истинной природы собеседника, но я по-прежнему предпочитаю этот способ общения.

На этот раз она услышала в его тоне горечь и завуалированную ярость.

– Что-то не так? – рискнула спросить она. – Ты выглядишь взволнованным.

Его язвительный смех стал для нее неожиданностью.

– Я? – лениво спросил он.

Ее смущение сменилось злостью.

– Тебя забавляет моя нервозность? – спросила она.

Его темно-зеленые глаза оглядели ее лицо, потом он уставился на ее губы.

– Ты нервничаешь, мышка?

– Я хочу, чтобы вы оба перестали так меня называть, – резко ответила она. – Я не мышка.

Он прищурился:

– Ладно, я не буду таким предсказуемым, как мой брат. Поверь, я подберу тебе другое прозвище.

– Почему бы не называть меня по имени?

По непонятной причине он сильнее напрягся. Успокоившись, он взглянул на нее пристальнее.

– Да, я думаю, что смогу называть тебя по имени, – хрипло сказал он. – Зуки.

Ее имя слетело с его губ и показалось Зуки чувственным фейерверком. Она уставилась на Рамона, пытаясь равномерно дышать и наблюдая, как его взгляд надолго задерживается на ее губах. Возможно, прошла целая минута. Может быть, пять. Шум в пабе стал тише, но она слышала размеренное дыхание Рамона и чувствовала под пальцами холодный напиток в бокале.

– У тебя роман с моим братом? – мрачно и резко спросил он.

– Роман? – переспросила она, по-прежнему шокированная тем, что чувствует к Рамону. – Я не понимаю, что ты…

– Мне спросить откровеннее? Ты окручиваешь моего брата?

Она выдохнула от ужаса:

– Что?

– Не надо притворяться. Можешь ответить односложно: да или нет.

Она снова рассердилась:

– Я не знаю, что с тобой, но сегодня ты, очевидно, встал не с той ноги, поэтому…

Он тихо выругался по-испански.

– Избавь меня от упоминания о кроватях и о том, кто с какой ноги встал, дорогая.

Она нахмурилась:

– Ну, ты подтверждаешь мою точку зрения своим заявлением. Зачем же ты пришел праздновать день рождения своего брата, будучи в таком ужасном настроении?

Он поджал губы так, что они побелели, и раздул ноздри. Зуки напряглась от испуга, когда он врезал кулаком по столу.

– Потому что я держу данное мной слово. Потому что Луис верил, что я приду, и я не имею права его подводить.

Ледяная ярость, с которой он произнес эти слова, заставила ее на мгновение затаить дыхание.

– Я не сомневалась в твоей преданности брату…

– Ты не ответила на мой вопрос.

Она покачала головой:

– Наверное, потому, что это не твое дело.

Он сильнее сжал кулак:

– Ты думаешь, это не мое дело? Он ведет себя с тобой так, словно ты принадлежишь ему, а ты пожираешь меня своими великолепными голубыми глазами.

Она ахнула и поежилась:

– Неправда!

Его смех был язвительным и жестоким.

– Ты притворяешься, будто я тебе безразличен, но не сводишь с меня глаз с тех пор, как я сел за столик. Хочу заметить, что, хотя Луис мне дорог, я не собираюсь делить с ним своих женщин. Поэтому о любовном треугольнике не может быть и речи.

– Ты чудовище, – ответила она. Ее переполнял ужас, потому что Рамон не только сразу обозначил ее глупые чувства, от которых она была в отчаянии, но и отнесся к ним с презрением.

– Я? Вероятно, ты просто разочарована тем, что страстный сценарий, который ты придумала, не реализуется?

– Поверь мне, я не знаю, о чем ты говоришь. И я сожалею, если кто-то украл у тебя несколько миллиардов или избил твоего щенка, потому что сегодня определенно что-то случилось, иначе ты не был бы в таком жутком настроении. Но я должна предупредить тебя, что мне очень хочется выплеснуть свой напиток тебе в лицо. Поэтому, если ты не хочешь остаться вымокшим, я предлагаю тебе заткнуться прямо сейчас! И потом, как ты смеешь говорить со мной о любовном треугольнике? Разве ты не помолвлен?

– Я долго отсутствовал? – Луис сел и в благодарность кивнул официантке, которая поставила на столик ведерко со льдом и шампанским и бокалы. – Могу поклясться, что прошло всего пять минут. Но вы оба выглядите так, будто собираетесь подраться. Ты меня удивляешь, мышка. – Хотя тон Луиса был веселым, его взгляд оставался настороженным. Он посмотрел на нее, а потом на своего брата.

Зуки покачала головой, не в силах поверить в происходящее:

– Поверь мне, я не…

– Я кое-что объяснял твоей девушке, – вмешался Рамон.

Брови Луиса взлетели, он рассмеялся:

– Моя девушка? Почему ты так решил?

За столиком воцарилось молчание. Зуки сердито посмотрела на своего так называемого лучшего друга.

Рамон немного расслабился, а потом пожал плечами:

– Значит, она не принадлежит тебе?

Зуки стиснула зубы:

– Послушайте!..

– Да, она принадлежит мне…

– Может, вы перестанете говорить обо мне как о мебели? – прервала она их.

Рамон проигнорировал ее, пристально глядя на брата.

Луис прищурил светлые глаза:

– Как сестра принадлежит брату, который ее любит. Как друг, у которого есть право дать ей пинка, если она лезет в рискованное дело.

– Я понял, – решительно и серьезно произнес Рамон.

– Я рад, что все уладилось, – ответил Луис и потянулся к шампанскому.

Повернув голову, Зуки встретила сверкающий взгляд Рамона.

– Что? Что уладилось? – прошипела она.

Уголок его рта приподнялся, словно Рамон считал происходящее забавным.

– Я поспешил с выводами, котеночек, – сказал он.

– Это извинение? – огрызнулась она.

Рамон помрачнел:

– Дай мне время, чтобы найти подходящие слова.

Учитывая, что Рамон Акоста был очень успешным бизнесменом, Зуки не верила, что он не смог быстро найти подходящий ответ.

Он в одиночку превратил пять кубинских гостиниц своих родителей во всемирно известную сеть отелей Акоста, обладая большим художественным талантом. Когда Светлана Роскова упомянула в интервью, что стала музой скульптора и связана с ним, журналисты решили выяснить, кто завоевал сердце русской красавицы.

Несколько изданий предположили, что это Рамон. Он дал единственное эксклюзивное интервью, объявив себя ее любовником и куратором безумно успешных художественных галерей Пьедра. По словам Луиса, новаторские картины и скульптуры Рамона за одну ночь стали бесценными коллекционными предметами, а монархам и мировым лидерам пришлось вносить свои имена в лист ожидания, чтобы их приобрести.

Но человек, которого Зуки поставила на высокий пьедестал, был далек от того мужчины, который теперь наблюдает за ней беспокойными глазами. Об этом сказал даже его собственный брат, снимая фольгу с пробки бутылки шампанского.

– Ты сегодня напряженнее обычного, Рамон. Я практически вижу дым, идущий из твоих ушей. Это довольно забавное зрелище, – сухо заметил Луис.

Рамон поджал губы.

– Ты хочешь провести остаток своего дня рождения, подшучивая надо мной? – спросил он, не сводя глаз с Зуки.

Она промолчала, недоумевая, о чем думает Рамон.

– Я просто пытался тебя развеселить, потому что это мой день рождения, и я могу делать то, что хочу. Ты хотя бы возьми свой проклятый телефон, который гудит у тебя в кармане последние пять минут.

Рамон нетерпеливо взглянул на брата, потом вынул из кармана телефон и отключил его, едва взглянув на экран.

У Луиса отвисла челюсть.

– Ты сейчас отключил источник питания империи. Тебе нездоровится? Или ты кого-то намеренно игнорируешь?

– Луис… – угрожающе произнес Рамон, но его младший брат не обратил на это внимания.

– Неужели в раю возникли проблемы? Неужели великая Светлана споткнулась и упала со своих высоких каблуков?

Лицо Рамона Акоста застыло, его зеленые глаза потемнели.

– Я хотел поделиться с тобой новостями позже, но, раз ты спросил, я скажу, что сегодня утром я разорвал помолвку.

Все трое молчали. Зуки вздрогнула, когда пробка вылетела из бутылки, и шампанское полилось на стол. У Рамона больше нет невесты. Она нахмурилась, не понимая, почему испытывает такое облегчение.

– Выпей, мышка. Теперь у нас две… нет, три причины для праздника, – сказал Луис, глядя на нее еще решительнее.

– Я рад, что моя расторгнутая помолвка приносит тебе такую грандиозную радость, братец, – холодно произнес Рамон.

Луис посерьезнел:

– Я уважал ваши отношения, но мои взгляды на твою помолвку не менялись. Она была тебе не пара. И не важно, кто расторг помолвку, ты или она…

– Это был я.

Луис улыбнулся:

– Тогда либо празднуй вместе со мной, либо утопи в шампанском свои печали. – Он наполнил еще два бокала.

Рамон поднял бокал, произнес краткий тост за день рождения и залпом выпил шампанское. Луис выпил большую часть бутылки, а Зуки – совсем немного.

Атмосфера накалялась, потому что Рамон продолжал буравить Зуки взглядом.

Она вздохнула с облегчением, когда Луис встал из-за стола сразу после полуночи, хищно оглядывая потрясающе красивую рыжеволосую женщину, сидящую недалеко от него.

– Настало время заново начать мою вторую четверть века, – сказал Луис.

Зуки отодвинула от себя недопитый бокал.

– Я поехала домой.

– Останься, – сказал Рамон. Прежде чем она успела ответить, он повернулся к брату: – Мой лимузин стоит на улице. Водитель отвезет тебя туда, куда ты скажешь.

Луис хлопнул брата ладонью по плечу:

– Спасибо за предложение, но я собираюсь закрутить вот с тем цветочком. Мы же не хотим, чтобы у нее закружилась голова от миллиардов Акоста?

Рамон стиснул зубы и пожал плечами:

– Отлично. Пой свою серенаду в ночном автобусе.

– Да ты экстремал! Ведь можно вызвать такси.

– Поступай, как хочешь. В любом случае я жду тебя в понедельник утром в офисе – трезвого и здорового.

– Если ты обещаешь отвезти Зуки домой – трезвой и здоровой.

Она покачала головой, взяла сумочку и встала.

– Не надо. Я сама доберусь домой. – Ей не хотелось ехать на общественном транспорте, но она должна была следить за расходами. Ее телефон молчал уже четыре часа с тех пор, как она звонила в больницу, чтобы проверить состояние матери. Оставалось надеяться, что у ее матери все в порядке.

– Садись, Зуки, – категорично протянул Рамон. – Мы с тобой не закончили.

Она проигнорировала его. Вернее, попыталась это сделать. Она в отчаянии посмотрела на Луиса, но ее друг просто потянулся через стол и обнял ее, бормоча на ухо:

– Сегодня твой день рождения, Зуки. Жизнь слишком коротка. Позволь себе отдохнуть и немного развлечься. Это сделает тебя счастливой, а меня бесконечно радостным!

Не успела она ответить, как он направился к столику, где сидела рыжеволосая красотка, даря ей такую улыбку, ради которой немало женщин хотели бы покончить с собой.

– Я сказал, сядь, – настаивал Рамон.

Помня слова Луиса, она медленно опустилась на стул.

– Я не понимаю, зачем я тебе. Мне больше нечего тебе сказать.

Его взгляд уже не был холодным.

– По-моему, мы договорились, что я что-то тебе должен.

– Извинение. Тебе так трудно об этом говорить?

Он пожал плечами и открыл рот, когда в пабе послышался громкий и хриплый смех подвыпивших посетителей.

С отвращением скривившись, он встал.

– Я предлагаю поговорить в другом месте.

Несмотря на его властный тон, Зуки встала, но решила сбежать, как только они выйдут на улицу. Сегодняшний Рамон Акоста пробудил ее самые головокружительные мечты. Она знала безжалостного человека, о котором писали финансовые газеты и на которого жаловался Луис. Она также видела, что Рамон умеет страдать из-за своей неудавшейся помолвки.

Он не забыл, что случилось между ним и Светланой. Даже сейчас она чувствовала, что Рамон вибрирует от ярости.

Возможность узнать характер Рамона стала для Зуки своевременным напоминанием. Опыт общения с мужчинами, включая ее собственного отца, заставлял ее относиться к ним с большим недоверием. До сих пор Луис был единственным мужчиной, которому она доверяла. Она считала, что он был исключением из правил, несмотря на горькие предупреждения ее матери о мужчинах, данные ей полгода назад.

Стивен сильно обидел Зуки. Оказалось, что он встречается одновременно с ней и с другой женщиной. И она по-прежнему твердила себе, что не желает, чтобы подобное повторилось между ней и Рамоном.

Выйдя из паба на октябрьский воздух, она глубоко вздохнула. И зашагала прочь.

Сильная рука схватила ее за локоть, едва она сделала три шага.

– Куда ты собралась? – Рамон вздохнул.

Она попятилась, борясь с безумными ощущениями, охватившими ее от его близости. Он отслеживал каждое ее движение свирепым взглядом.

Она посмотрела на него в упор:

– Уже поздно.

– Я знаю, который час, – пробормотал он, подходя к ней ближе.

Она чувствовала, как слабеет.

– Мне надо идти.

Он сделал еще один шаг к ней. Она прижалась спиной к стене паба, а он уперся руками по обе стороны от ее головы.

– Да, возможно, тебе надо идти. Но ты не хочешь.

Она покачала головой, отчаянно призывая на помощь здравый смысл:

– Хочу.

Он наклонился к ней, и она увидела в его глазах золотистые искорки. От него пахло шампанским.

– Ты не можешь уйти, – сказал он. – Я еще не извинился.

– Значит, ты признаешь, что обидел меня?

Он посмотрел на ее губы. В его глазах вспыхнула страсть.

– Да, но я не собираюсь извиняться здесь.

Она делано хохотнула:

– Ты знаешь, сколько мне сегодня исполнилось. Я не ребенок.

Он коснулся рукой ее щеки.

– Я могу сказать тебе то, что ты хочешь услышать, прямо здесь, и ты уйдешь. Но ты можешь разрешить мне отвезти тебя домой, поскольку я дал обещание Луису, и я там принесу тебе свои извинения. Неужели ты хочешь, чтобы твой друг волновался?

Она покачала головой, стараясь не погружаться в чувственный туман при звуке его хриплого голоса и от его страстного прикосновения.

– Я большая девочка. Луис меня поймет. Ничего, кроме извинений, мне от тебя не нужно, – настаивала она.

– Ты хочешь большего. Ты жаждешь запретного, правда, Зуки?

Она открыла рот, но не произнесла ни слова.

Рамон оттолкнулся от стены, сделал несколько шагов назад и заметил разочарование на лице Зуки.

Она чувствовала, что не устоит перед искушением. Она не осознавала, что идет за Рамоном к краю тротуара, пока перед ними не остановился блестящий черный лимузин. Не сводя взгляда с Зуки, Рамон открыл ей дверцу машины.

– Ты сядешь в машину, и я отвезу тебя домой, Зуки. То, что произойдет дальше, будет зависеть от тебя. Только от тебя.

Глава 2

Зуки нутром чуяла, что обречена, как только пробормотала слова согласия.

Она знала, что не будет возврата назад, как только она позволит Рамону усадить ее в машину. Он уселся на мягкое кожаное сиденье рядом с ней и закрыл дверцу.

– Адрес? – хрипло спросил он.

– Уинстон-стрит, сто шестьдесят семь, Воксхолл.

Рамон передал информацию водителю и поджал губы.

– Между твоим домом и домом Луиса в Мейфэре две дюжины пабов. Зачем ты поехала в загородный паб? – спросил он, бросив раздраженный взгляд на паб на тихой улице посреди Уотфорда.

– Один из наших университетских друзей унаследовал его от родителей. Луис пообещал, что мы отпразднуем в этом пабе свои дни рождения, – сказала она, немного успокоившись после того, как Рамон заговорил на безобидную тему.

– А ты всегда делаешь то, что говорит мой брат? – почти в ярости спросил он.

Она сжала пальцами ремешок сумки:

– Ты решил снова повоевать со мной? Насколько я помню, ты еще не извинился.

Он стремительно придвинулся к ней, вырвал из рук Зуки сумку и бросил ее на соседнее сиденье. Решительно запустив пальцы в ее волосы, он крепко удерживал ее голову неподвижно, заставляя Зуки смотреть ему в глаза. Их дыхания смешивались.

– Извини, – произнес он по-испански. – Сегодня я не в лучшем настроении, но это не оправдание, поэтому прими мои извинения.

Он говорил твердо и искренне, и она насторожилась.

– Ну, ладно, – пробормотала она.

Он медленно массировал пальцами ее голову, и по ее телу пробежал трепет.

– Ты довольна? – спросил он.

– Это зависит…

Он поднял бровь:

– От чего?

– От того, собираешься ли ты снова со мной воевать.

– Нет, дорогая, – выдохнул он. – Я собираюсь заняться с тобой кое-чем другим, и ты об этом знаешь.

– Не знаю.

– Хватит, Зуки. Я сказал тебе, что все зависит от тебя. Но я чувствую, мне надо тебя поторопить, прежде чем один из нас умрет от нетерпения. Отвечай просто: да или нет. Я хочу тебя, котеночек. Ты меня хочешь?

Сердце Зуки едва не выскочило из груди. Три долгих года она боролась со своей влюбленностью в этого человека. Она верила, что однажды проснется и забудет о нем.

Предательство Стивена образумило ее и заставило вспомнить предупреждения матери, которые та передала Зуки, когда ей исполнилось шестнадцать лет.

Она покачала головой, сглотнула и облизнула нижнюю губу. Он крепче обхватил пальцами ее голову и что-то проворчал. Его бархатисто-гладкие губы были так близко. Как она хотела его поцеловать!

– Зуки, – произнес он требовательным шепотом.

Ее грудь отяжелела, а внизу живота разлилось тепло. Еще ни разу она не испытывала такого желания.

– Да, – выдохнула она.

Резко выдохнув, Рамон притянул Зуки к себе и припал к ее губам в горячем поцелуе. Его язык настойчиво касался ее губ, побуждая Зуки открыть рот.

Ее ошеломили ощущения, она беспомощно постанывала под их натиском. Она целовалась с мужчинами раньше, но никто из них не целовался так искусно, как Рамон. Каждое прикосновение его языка дарило ей испепеляющий восторг и усиливало желание.

Когда они отстранились друг от друга, чтобы перевести дыхание, он провел большим пальцем по ее губам.

– Ты такая сладкая, – прорычал он и снова жадно поцеловал.

Она высвободилась из его крепких объятий и положила руку ему на бедро. Он напрягся и взглянул на нее горящим взглядом. Он прижал ее руку к своей возбужденной плоти.

– Ты хочешь прикоснуться ко мне, так прикасайся.

– Рамон…

Он резко вдохнул:

– По-моему, ты впервые назвала меня по имени. – Он притянул ее к себе. – Скажи еще раз, – выдохнул он у ее губ.

– Рамон, – лихорадочно прошептала она и принялась ласкать его через ткань брюк.

– Не останавливайся, дорогая, – приказал он.

Зуки не знала, когда именно Рамон потянул вверх подол ее платья, а потом уложил ее на кожаное сиденье и встал на колени между ее бедер. Она дрожала всем телом. Оторвавшись от ее губ, он поднял голову.

– Я должен видеть тебя, Зуки, – прохрипел он, не узнавая свой голос. – Я хочу тебя ласкать.

Хотя ее шокировало собственное поведение, она знала, что скоро расстанется с Рамоном и очень не скоро снова с ним увидится. Поэтому она решила забыть о здравом смысле и позволить себе развлечься.

Он обвел пальцами наружный край ее атласных трусиков с кружевом.

– О чем ты думаешь? – спросил он, поглаживая ее бедра большим пальцем.

Она вздрогнула.

– Ни о чем.

Он стал ласкать ее обеими руками.

– Не ври мне, Зуки. За последние сутки мне достаточно врали. Ты думаешь о другом мужчине? – резко спросил он, и его ноздри раздулись от ярости. – О своем бойфренде?

Она округлила глаза:

– По-твоему, я была бы сейчас с тобой, если бы у меня был бойфренд?

– Ответь на вопрос, Зуки, – потребовал он ледяным тоном.

Она покачала головой:

– У меня нет бойфренда. Я думаю о тебе.

Он немного успокоился, и его глаза сверкнули.

– И что же ты думаешь? – Его пальцы скользнули под ее трусики.

Она простонала и прерывисто задышала.

– Что после сегодняшнего вечера я больше с тобой не увижусь.

Он застыл и молча уставился на нее.

– Ты хочешь, чтобы мы провели вместе только одну ночь, а потом расстались? – В его голосе слышалось мрачное осуждение. Он наклонился к ней ближе и вгляделся в ее глаза. – Отвечай, Зуки. Ты этого хочешь?

– А разве ты хочешь чего-то другого? – Она заставила себя рассмеяться. – Только не говори, будто жаждешь продолжения того, что произойдет сегодня.

Он долго молчал, а потом посмотрел на ее плечи и грудь и принялся снова поглаживать ее между ног.

– Ты права. Мы не будем вместе.

Резкая обида смешалась с сильным удовольствием, которое Зуки испытала от его ласк. Она не знала, что заводило ее сильнее: то, что Рамон стоит перед ней на коленях, или ощущения, которые он ей дарил. Но желание прикоснуться к нему стало непреодолимым. Она обняла рукой его подбородок, а потом провела пальцами по его мускулистой шее и затылку. Запрокинув голову, она закричала от удовольствия.

Как только Зуки вернулась в реальность, она заметила, что рубашка и брюки Рамона расстегнуты, а его волосы взъерошены. Он надел презерватив, а потом легко снял с нее бюстгальтер.

– Ты такая красивая, – выдохнул он при виде ее полных грудей.

Он провел рукой вниз от ее шеи к животу. Обняв руками ее грудь, он стал поглаживать ее напряженные соски, а потом обхватил их губами. Желание Зуки опять достигло предела.

Их взгляды встретились. Он положил ее ноги себе на плечи. Тихо простонав, он обнял Зуки рукой за талию и резко и глубоко вошел в нее.

Он что-то говорил ей по-испански, но она не слушала его, полностью отдавшись страстным ощущениям. Он мастерски доводил ее до исступления, снова и снова оттягивая оргазм.

– Рамон… Рамон…

Они достигли развязки одновременно. Кружась в водовороте эмоций, она почувствовала, как он прикусил мочку ее уха и снова зашептал ей на ухо страстные слова.

Оба тяжело дышали, когда машина завернула за угол и остановилась. Через минуту Рамон усадил Зуки на сиденье и застегнул ее платье.

Стыдясь его взгляда, она запихнула трусики и бюстгальтер себе в сумочку. Рамон поправил свою одежду и откинулся на сиденье.

– Хм, спасибо, что подвез меня, – сказала она после того, как поняла, что он не собирается с ней говорить.

Он ничего не ответил, а просто посмотрел на нее из-под опущенных век. Сжимая сумочку пальцами, она придвинулась к дверце.

– Спокойной ночи, Рамон. Я желаю тебе благополучно добраться до дома.

Она потянулась к ручке дверцы. Он схватил ее за руку и заставил повернуться к нему лицом.

– Я не поеду домой, дорогая. Потому что мы с тобой еще не закончили.

Он грациозно вышел из машины и протянул Зуки руку.

У нее не было выбора, кроме как выйти. Она знала, что делает.

Как только она вышла, он захлопнул дверцу и дважды постучал ладонью по крыше автомобиля. Как только лимузин уехал, Рамон резко притянул Зуки к себе и припал к ее губам в требовательном и обжигающем поцелуе. Прошло немало времени, прежде чем он поднял голову и посмотрел на небольшой дом в викторианском стиле.

– Пригласи меня к себе, – сказал он.

Она пригласила его войти.

Но уже до того, как он переступил порог ее святилища, Зуки знала, что ее ждет очередной незабываемый опыт.

Глава 3

Десять месяцев спустя

Зуки снова прочла электронное письмо. Дрожь в ее руках не могла сравниться с болью в сердце. В ее глазах стояли слезы.

> «Панихида по Луису Акоста и его родителям, Кларите и Пабло Акоста. Не приезжайте без специального приглашения.
>
> Адвокаты просят вас присутствовать на оглашении завещания Луиса и на встрече с Рамоном Акоста. Посещение обязательно».

Ее горло сдавило от слез. Она отвернулась от письма, которое не желала читать. Его прислали из юридической фирмы в Гаване, с которой она отчаянно пыталась связаться с тех пор, как получила ужасающее известие о смерти Луиса и его родителей.

Это были те самые юристы, которые отказывались отвечать на ее звонки и письма в течение двух прошедших месяцев. Она знала, что они не связались бы с ней без специального разрешения своего клиента – Рамона Акоста.

В письме сообщалось, что ее приглашают на панихиду по Луису и его родителям, и ее перелет на Кубу уже оплачен. Несмотря на то, как развивались события после их ночи вместе, она сопереживала Рамону после смерти Луиса. Поначалу Зуки уважала его оглушительное молчание, зная, что он горюет о семье, трагически погибшей в автокатастрофе. Но потом она узнала через социальные сети, что некоторые из ее университетских друзей были приглашены на похороны Луиса. Она позвонила в офис Рамона, а также его адвокатам, но ей никто не ответил. Все ее электронные письма также оставались без ответа.

До сегодняшнего дня.

Она хотела ненавидеть Рамона за его отказ позволить ей попрощаться с единственным настоящим другом, который у нее был. Но за прошедшие десять месяцев на нее обрушилось столько противоречивых эмоций, что ненависть была просто неуместной.

Она проплакала несколько недель, проклиная судьбу и свое слабое тело. Потом она смирилась с тем, что должна сделать, но легче ей не стало. Несмотря на потерю, которую ей предстояло пережить, она должна была оставаться сильной ради своей матери.

Босс Зуки предложил ей продлить больничный лист еще на полтора месяца. Зуки так вымоталась, что отлично понимала свою неспособность работать с клиентами одной из самых престижных лондонских дизайнерских фирм.

Закрыв ноутбук, она встала из-за небольшого стола и поплелась на кухню, чтобы вылить чай, к которому едва прикоснулась. Она машинально помыла кружку и поставила ее на стол.

Она коснулась рукой живота, думая о ребенке, которому было не суждено родиться. Желание подняться по лестнице в свою спальню, свернуться калачиком под одеялом и забыться вечным сном было непреодолимым.

Она снова подумала об электронном письме и авиабилете. Хотя она приготовилась потратить свои скудные сбережения на то, чтобы оплатить поездку на прощание со своим лучшим другом еще два месяца назад, ее ресурсы резко сократились после того, как ее мать снова попала в больницу. Когда у женщины диагностировали рак, Зуки пришлось использовать почти все свои оставшиеся средства, чтобы удержаться на плаву.

Путешествие на Кубу становилось несбыточной мечтой.

Хотя оплаченный билет немного задевал ее гордость, она не собиралась от него отказываться. После того как она вернется на работу, она возместит Рамону Акоста все расходы на билет.

Тихий звонок на ее ноутбуке напомнил Зуки о запланированной поездке в больницу. Она машинально оделась и отправилась на встречу с матерью.

Мойра Лангстон дремала, лежа на белых простынях. Почувствовав присутствие Зуки, она открыла глаза. Секунду они просто смотрели друг на друга.

Потом ее мать тихо и прерывисто выдохнула:

– Я говорила тебе, чтобы ты не приезжала. Я знаю, как тебе трудно.

Зуки коснулась руки матери.

– Все в порядке, мама. Мне не трудно, – солгала она.

Мойра поджала губы.

– Не ври. Ты знаешь, что я не выношу вранье.

В воздухе повисло напряжение. Вранье разбило сердце матери Зуки задолго до ее рождения. По этой причине Мойра Лангстон больше никогда не подпускала к себе мужчин, которые могли причинить ей боль. И мать снова и снова твердила Зуки о том, что она должна беречь свое сердце любой ценой.

Именно поэтому мать была с ней сурова, когда Зуки рассказала ей о своей беременности. Но именно мать забыла о своих проблемах со здоровьем и поддержала Зуки после того, как та потеряла ребенка.

Зуки сглотнула и крепче сжала руку матери.

– Я не могу не приезжать к тебе, мама.

Мойра вздохнула, выражение ее лица смягчилось.

– Я знаю. Но мне лучше, поэтому меня скоро выпишут.

Зуки не спорила, хотя замечала, как резко худеет ее мать. Они какое-то время болтали на нейтральные темы, но потом проницательная мать пристально посмотрела на Зуки:

– Что тебя тревожит?

Зуки начала качать головой, не желая расстраивать мать, но потом сделала глубокий вдох и произнесла:

– Со мной связались адвокаты Луиса.

Мойра прищурилась.

– А что Рамон? – резко спросила она.

– Ничего. Адвокаты прислали мне билет на Кубу.

– Ты полетишь?

Она медленно кивнула:

– Я хочу как следует попрощаться с ним.

Мойра долго молчала.

– Луис был хорошим человеком, – сказала она. – Это единственная причина, по которой я не стану отговаривать тебя от поездки. Но будь осторожна, Зуки. Держись подальше от его брата. Он причинил тебе достаточно горя.

Ее мать быстро возложила всю вину на Рамона, узнав о беременности Зуки. Ужасная обида и необходимость оплакивать своего потерянного ребенка в одиночку заставила Зуки держать язык за зубами. Она не сказала матери, что Рамон не знал о ребенке.

– К тебе каждый день будет приходить миссис Барон. И я скоро вернусь.

Словно по мановению волшебной палочки, в палату вошла их соседка, миссис Барон – вдова, на пятнадцать лет старше матери Зуки, но по-прежнему бодрая и полная жизни. Ее веселое настроение было заразительным, и вскоре мать Зуки стала смеяться.

Через час Зуки оставила женщин одних и вернулась домой, думая об электронном письме и Луисе.

Открыв входную дверь, она увидела на коврике письма. Радуясь возможности отвлечься, она прошла на кухню. Два письма оказались рекламной рассылкой. При виде штампа на третьем конверте ее сердце едва не выскочило из груди. Дрожащими руками она открыла конверт.

Она в отчаянии просмотрела письмо. Ее удивленный вздох эхом отразился в прихожей. Заставив себя успокоиться, она принялась читать.

«Ваша кандидатура одобрена. Первый прием утром 15 сентября».

Сложив письмо, она прижала основания ладоней к глазам. Ей не надо плакать. Слезы не решат проблему. За прошедшие несколько часов ей представилась возможность попрощаться с Луисом и шанс улучшить свою жизнь.

Потеря ребенка после нескольких месяцев отчаянных попыток сохранить беременность разрушила Зуки. Когда медсестра дала ей во время выписки пачку брошюр, Зуки едва не отшвырнула их прочь. Только через несколько дней она удосужилась просмотреть яркие цветные брошюры, предписывающие различные способы восстановления.

Вначале она отказалась от предложения благотворительного фонда, дающего альтернативу женщинам в ее ситуации. Она не планировала беременеть с самого начала и не представляла, что одна ночь с Рамоном перевернет ее жизнь с ног на голову.

Она жаждала уединения, возможности оплакать своего потерянного ребенка и зализать раны. Но эти раны с каждым днем болели все сильнее, и в один прекрасный день она решила, что горе поглотит ее целиком. Проснувшись однажды утром, прижимая к себе брошюру, она подумала, что судьба, которая забрала у нее ребенка, предлагает ей путь исцеления. Ее ребенка не вернуть, но она может помочь другой женщине стать матерью.

Она снова открыла письмо и улыбнулась. Взяв ноутбук, она отправилась на кухню. Сначала она ответила адвокатам Рамона, называя время и дату своего приезда в Гавану, а затем послала по электронной почте подтверждение о том, что придет в клинику в назначенное время.

Улыбаясь, Зуки побежала вверх по лестнице в свою комнату, вытащила чемодан из шкафа и начала собирать вещи.

* * *

Гавана в начале сентября была полна ярких красок. Краткий ливень, начавшийся после того, как самолет пошел на посадку, закончился к тому времени, когда Зуки взяла свой чемодан и прошла таможню. Она впервые путешествовала первым классом и насладилась бы этим сполна, если бы не печальная причина ее поездки.

Заметив свое имя на табличке, которую держал в руках шофер в униформе, она в очередной раз убедилась, что приехала на родину Луиса. Ей предстояло встретиться лицом к лицу с Рамоном – человеком, который бросил ее после страстной ночи и заставил расхлебывать в одиночку разрушительные последствия ее действий. Рамон до сих пор не имеет понятия, что случилось с ней после того, как он ушел от нее на рассвете.

Идя за шофером, который нес ее чемодан, Зуки вышла под лучи ослепляющего послеполуденного солнца, и ее окутала какофония различных шумов.

За пределами международного аэропорта Хосе Марти выстроились в ряд яркие такси, автобусы и частные автомобили. Зуки надела солнцезащитные очки, повесила сумочку на плечо и улыбнулась, когда водитель распахнул ей заднюю дверцу лимузина.

В отличие от роскошного автомобиля, в котором она была близка с Рамоном, этот автомобиль был серебристым и сверкал на солнце, привлекая внимание прохожих. Испытывая странное нежелание ехать в этом лимузине, она уселась на сиденье.

Решительно отмахнувшись от нежелательных мыслей, Зуки посмотрела в окно. Гавана оказалась именно такой, какой ее описывал Луис. Большинство зданий были построены в период до социалистической революции и сильно обветшали. Но то тут, то там виднелись признаки восстановления страны. Гордость богатого наследия проявлялась в статуях, мозаичной плитке скверов, барочном соборе и в граффити на многовековых зданиях между узкими улочками.

Адвокаты Рамона сообщили Зуки по электронной почте о том, что она остановится в одном из отелей Акоста. Она обрадовалась тому, что у нее будет время, чтобы подготовиться к встрече с Рамоном.

Машин на дорогах было мало, поэтому через полчаса лимузин остановился у здания отеля.

Отель «Акоста Гавана» был ошеломляющим десятиэтажным зданием, расположенным в окружении пальм на улице, разделяющей современную и старинную часть города. Вобрав в себя лучшее из обоих миров, шестизвездочный отель представлял собой реконструированный дворец в стиле барокко.

Внутри здания Зуки увидела потрясающий золотой потолок с картой мира, старинные хрустальные люстры, стильные кожаные кресла.

Зуки отвела взгляд от сверкающей черно-белой мозаики и посмотрела на замысловатую резную деревянную стойку регистрации, за которой стояла миниатюрная темноволосая, приветливо улыбающаяся регистраторша.

– Мисс Лангстон, добро пожаловать в Гавану! Мы надеемся, что вам у нас понравится. – Она махнула рукой пожилому мужчине в бордово-золотой униформе и вручила ему пластиковую карточку-ключ от номера. – Это Педро, он ваш личный дворецкий на время вашего пребывания у нас. Если вам что-нибудь потребуется, пожалуйста, сообщите нам об этом.

Зуки не спросила, откуда регистраторша знает ее в лицо. За недолгое время, проведенное в мире Луиса, она быстро поняла, что богатые и могущественные люди ведут совсем иной образ жизни. Как только она вошла в свой роскошный люкс, два работника распаковали ее одежду и накрыли ей легкий обед на залитой солнцем частной террасе.

Зуки не стала пить шампанское, но поела салат из морепродуктов на гриле. Во время подготовки к поездке на Кубу она на время отвлеклась, но сейчас, при мысли о встрече с Рамоном, снова волновалась.

Сколько бы раз она ни говорила себе, что в ту ночь они оба были в равных условиях, она до сих пор не понимала, почему он ушел от нее, не сказав ни слова.

Но самое главное, она не понимала, почему Рамон лгал ей о том, что расторг свою помолвку.

Узнав, что Рамон был по-прежнему помолвлен со Светланой после того, как провел с Зуки ночь, она испытала неверие и ужас. Она долго считала себя соучастницей измены и даже боялась потерять дружбу с Луисом. Только сообщение о беременности и связанных с ней проблемах принесло ей необходимую поддержку со стороны лучшего друга.

Хотя ее дворецкий прекрасно говорил по-английски, Зуки не желала расспрашивать его о работодателе. Рамон сделал свой выбор, связался с ней через адвокатов и дал ей понять, что хочет сохранять дистанцию.

Пообедав, она вернулась в прохладный люкс. Она получила новые сообщения от адвокатов Района, которые говорили, что за ней заедут в девять часов утра.

Остаток вечера Зуки просматривала свою одежду и принимала ванну, а потом рано легла спать.

Следующим утром в дверь номера Зуки тихо постучали за несколько секунд до того, как зазвонил будильник на ее телефоне. Она немного поела яичницу и тост, стараясь успокоить

растущее волнение. Быстро приняв душ, она надела простое черное платье и туфли на каблуках. Уложив волосы в пучок, она взяла черную сумочку. В ее дверь снова постучали.

На пороге стоял Рамон Акоста. Зуки оказалась не готова к неожиданной встрече с ним, поэтому съежилась. Он плавно вошел в номер, высокий и сильный, беспощадно оглядывая ее жестким взглядом. Его губы, по-прежнему чувственные, но неулыбчивые, были плотно поджаты; казалось, он стал еще шире в плечах.

Много раз, до и даже после того, как врачи сообщили ей о беременности, она задавалась вопросом, на кого будет похож их ребенок. Потом выяснилось, что она вынашивает девочку. Представить себе женскую версию Рамона было немного сложнее, чем мужскую, потому что человек, одетый в черное с головы до ног, был воплощением угрозы.

Он остановился напротив Зуки и уставился на нее холодными зелеными глазами.

– Ты не поздороваешься со мной, Зуки? – спросил он ледяным тоном.

Она сильнее съежилась при звуке его голоса. Несмотря на его холодный тон, она вспомнила хрипловатый и страстный голос Рамона. Прямо сейчас ей не надо вспоминать, как он разговаривал с ней прежде. Она прикусила язык, чтобы не сказать, что по правилам этикета, войдя в ее номер, он обязан первым с ней поздороваться. Говорить об этом было бессмысленно, потому что люди, вроде Рамона, живут по своим правилам. Кроме того, она хотела, чтобы ближайшие два дня прошли как можно спокойнее.

Она откашлялась.

– Доброе утро, Рамон! Я не ожидала тебя увидеть.

– Неужели? – Он продолжал откровенно пожирать ее взглядом. – А чего ты ожидала?

– Я не думала, что ты заедешь за мной лично.

– Тебе придется потерпеть мое присутствие, – выпалил он.

Его тон задел ее за живое. Она подняла подбородок:

– У тебя нет более важных дел, кроме как сопровождать меня на панихиду?

– Многие требуют от меня уделить им время. Но все это меркнет по сравнению с моим желанием увидеть тебя. Мне захотелось убедиться, что ты не привидение.

Его слова поселили холодный ужас в ее душе. Она отчаянно вглядывалась в его лицо, но оно казалось непроницаемой маской. Однако его глаза потемнели, доказывая, что он не совсем еще бесчувственный человек.

– Привидение? – неуверенно спросила она. – Я тот же самый человек из плоти, крови и костей, которого ты видел в прошлый раз.

Его холодные глаза стали еще жестче. Он шагнул назад.

– Любопытно, что ты не сказала, будто у тебя осталась прежняя душа.

У нее перехватило дыхание. Нет, ее душа стала другой. В ней поселилась надежда, как только Зуки узнала, что вынашивает ребенка. Потом ее душа разрывалась на части из-за мучительных событий и решений, приведших к потере этого ребенка.

– Моя душа – не твое дело, и хватит это обсуждать.

Он медленно выдохнул, глядя на нее:

– На время отложим этот разговор. Мы должны почтить память моего брата. А после мы поговорим.

Она вспомнила абзац в письме, в котором указывалось, что она должна присутствовать на оглашении завещания Луиса. У нее сжалось сердце.

– Если речь о завещании Луиса, то знай, что в случае возникновения разногласий я готова отказаться от своей доли.

Уголок его рта приподнялся в жестокой усмешке. Он повернулся и пошел к двери.

– Ты скоро обо всем узнаешь, Зуки.

Поездка в собор Святого Августина в Старой Гаване заняла чуть более десяти минут, но Зуки казалось, что в гробовой тишине прошло несколько столетий. Внутри собора были

установлены портреты Луиса и его родителей в полный рост. Их иногда смеющиеся, иногда серьезные, но всегда благодушные лица заставили Зуки по-новому оценить ее потерю. Она не понимала, что тихо плачет, пока Рамон не протянул ей белый носовой платок. Она с благодарностью посмотрела на Рамона, но увидела только его профиль, казавшийся каменным.

Церемония длилась чуть более часа. Два десятка гостей зажигали свечи и прощались с усопшими.

Зуки поставила зажженную свечу в подсвечник, когда рядом с ней появился Рамон. Надеясь, что у него поубавилось язвительности, она откашлялась и посмотрела на него:

– Спасибо, что предоставил мне возможность быть здесь и купил билет. Я оплачу тебе стоимость билета, как только вернусь на работу в следующем месяце.

Он скривил губы:

– Какая предусмотрительность! Скажи, а где была твоя предусмотрительность, когда ты решила избавиться от своего ребенка, даже не сообщив об этом мне?

Ее сердце замерло. Она почувствовала, как кровь отхлынула от ее головы. Она качнулась в сторону. Открыв рот, она попыталась объясниться. Но от шока потеряла дар речи. Ее тело сковал ледяной ужас, когда Рамон подошел к ней ближе, пульсируя от ярости и воплощая собой возмездие.

– Тебе нечего мне сказать, Зуки? – Он покосился на нее, а потом схватил за запястье. Резко потянул ее к себе. Со стороны могло показаться, что он ее утешает. Наклонившись, он прошептал ей на ухо: – Не волнуйся, мне надо многое тебе сказать. И ты сильно заблуждаешься, если думаешь, что ты должна оплатить мне только расходы на билет.

Глава 4

Рамон уверял себя, что его нисколько не тревожит реакция Зуки, когда автомобиль отъехал от собора. Он старался не замечать бледность ее застывшего лица, эфемерную хрупкость ее пальцев, сложенных на коленях, и дрожь в теле.

Ей не было ни холодно, ни больно.

Она просто искусно притворялась. Зуки Лангстон – неисправимая лгунья. Еще задолго до той ночи, что они провели вместе, Рамон задавался вопросом, почему Луис дружил с Зуки долгие годы. Он пришел к выводу, что она просто обманула его брата.

Рамон сомневался, что должен благодарить Луиса, который нарушил клятву и сказал ему правду. Сначала Рамон был ошеломлен полученным известием, потому что во время близости с Зуки он предохранялся. Но он знал, что презервативы не дают стопроцентной гарантии, поэтому быстро смирился с последствиями.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.